

Владимир Дуров

Мои звери

«Моя жизнь вся целиком прошла бок о бок с животными. Горе и радость делил я с ними пополам, и привязанность зверей вознаграждала меня за все человеческие несправедливости...»

Я видел, как богачи высасывают все соки из бедняков, как богатые, сильные люди держат более слабых и тёмных братьев в рабстве и мешают им сознавать свои права и силу. И тогда я, при помощи моих зверьков, в балаганах, цирках и театрах говорил о великой человеческой несправедливости...»

В. Л. Дуров (из воспоминаний)

Наша Жучка

Когда я был маленький, я учился в военной гимназии. Там, кроме всяких наук, учили нас ещё стрелять, маршировать, отдавать честь, брать на караул — всё равно как солдат. У нас была своя собака Жучка. Мы её очень любили, играли с ней и кормили её остатками от казенного обеда.

И вдруг у нашего надзирателя, у «дядьки», появилась своя собака, тоже Жучка. Жизнь нашей Жучки сразу переменялась: «дядька» заботился только о своей Жучке, а нашу бил и мучил. Однажды он плеснул на неё кипятком. Собака с визгом бросилась бежать, а потом мы увидели: у нашей Жучки на боку и на спине облезла шерсть и даже кожа! Мы страшно разозлились на «дядьку». Собрались в укромном уголке коридора и стали придумывать, как отомстить ему.

— Надо его проучить, — говорили ребята.

— Надо вот что... надо убить его Жучку!

— Правильно! Утопить!

— А где утопить? Лучше камнем убить!

— Нет, лучше повесить!

— Правильно! Повесить! Повесить!

«Суд» совещался недолго. Приговор был принят единогласно: смертная казнь через повешение.

— Пойдите, а кто будет вешать?

Все молчали. Никому не хотелось быть палачом.

— Давайте жребий тянуть! — предложил кто-то.

— Давайте!

В гимназическую фуражку были положены записки. Я почему-то был уверен, что мне достанется пустая, и с лёгким сердцем сунул руку в

фуражку. Достал записку, развернул и прочитал: «Повесить». Мне стало неприятно. Я позавидовал товарищам, которым достались пустые записки, но всё же пошёл за «дядькиной» Жучкой. Собака доверчиво виляла хвостом. Кто-то из наших сказал:

— Ишь гладкая! А у нашей весь бок облезлый.

Я накинул Жучке на шею веревку и повел в сарай. Жучка весело бежала, натягивая верёвку и оглядываясь. В сарае было темно. Дрожащими пальцами я нащупал над головой толстую поперечную балку; потом размахнулся, перекинул верёвку через балку и стал тянуть.

Вдруг я услышал хрипенье. Собака хрипела и дергалась. Я задрожал, зубы у меня защёлкали, как от холода, руки сразу стали слабые... Я выпустил верёвку, и собака тяжело упала на землю.

Я почувствовал страх, жалость и любовь к собаке. Что делать? Она, наверно, задыхается сейчас в предсмертных мучениях! Надо скорее добить её, чтобы не мучилась. Я нашарил камень и размахнулся. Камень ударился обо что-то мягкое. Я не выдержал, заплакал и бросился вон из сарая. Убитая собака осталась там... В ту ночь я плохо спал. Всё время мне мерещилась Жучка, всё время в ушах слышалось её предсмертное хрипенье. Наконец настало утро. Разбитый, с головной болью, я кое-как поднялся, оделся и пошёл на занятия.

И вдруг на плацу, где мы всегда маршировали, я увидел чудо. Что такое? Я остановился и протёр глаза. Собака, убитая мною накануне, стояла, как всегда, около нашего «дядьки» и помахивала хвостом. Завидев меня, она как ни в чём не бывало подбежала и с ласковым повизгиванием стала тереться у ног.

Как же так? Я её вешал, а она не помнит зла и ещё ласкается ко мне! Слёзы выступили у меня на глазах. Я нагнулся к собаке и стал её обнимать и целовать в косматую морду. Я понял: там, в сарае, я угодил камнем в глину, а Жучка осталась жива.

Вот с тех пор я и полюбил животных. А потом, когда вырос, стал воспитывать зверей и учить их, то есть дрессировать. Только я их учил не палкой, а лаской, и они меня тоже любили и слушались.

Чушка-финтифлюшка

Моя звериная школа называется «Уголок Дурова». Называется «уголок», а на самом деле это большой дом, с террасой, с садом. Одному слону сколько места надо! А ведь у меня еще и обезьяны, и морские львы, и белые медведи, и собаки, и зайцы, и барсуки, и ежи, и птицы!..

У меня звери не просто живут, а учатся. Я их обучаю разным вещам, чтобы они могли выступать

в цирке. При этом я и сам изучаю зверей. Так мы учимся друг у друга.

Как во всякой школе, у меня были хорошие ученики, были и похуже. Одна из первых моих учениц была Чушка-Финтифлюшка — обыкновенная свинья.

Когда Чушка поступила в «школу», она была ещё совсем новичок и ничего не умела. Я приласкал её и дал ей мяса. Она съела и хрюкает: давай еще! Я отошёл в угол и показал ей новый кусок мяса. Она как побежит ко мне! Понравилось ей, видно.

Скоро она привыкла и стала ходить за мной по пятам. Куда я — туда и Чушка-Финтифлюшка. Первый урок она усвоила отлично.

Мы перешли ко второму уроку. Я принёс Чушке кусок хлеба, намазанный салом. Пахло очень вкусно. Чушка со всех ног бросилась за лакомым кусочком. Но я ей не дал и стал водить хлебом над её головой. Чушка потянулась за хлебом и перевернулась на месте. Молодец! Это мне и надо было. Я поставил Чушке «пятёрку», то есть дал кусочек сала. Потом я заставил её несколько раз повернуться, приговаривая при этом:

— Чушка-Финтифлюшка, перевернись!

И она перевёртывалась и получала вкусные «пятёрки». Так она научилась танцевать «вальс».

С тех пор она поселилась в деревянном домике, на конюшне.

Я пришёл к ней на новоселье. Она выбежала мне навстречу. Я расставил ноги, нагнулся и протянул ей кусочек мяса. Чушка приблизилась к мясу, но я быстро переложил его в другую руку. Чушку влекла приманка — она прошла между моими ногами. Это называется «проходить через ворота». Так я повторил несколько раз. Чушка быстро научилась «проходить через ворота».

После этого я устроил настоящую репетицию в цирке. Свинка испугалась было артистов, которые суетились и прыгали на арене, и бросилась к выходу. Но там ее встретил служащий и погнал ко мне. Куда деваться? Она робко прижалась к моим ногам. Но и я, её главный защитник, стал гонять её длинным кнутом.

В конце концов Чушка поняла, что ей надо бегать вдоль барьера до тех пор, пока не опустится кончик бича. Когда же он опустится, надо подойти к хозяину за наградой.

Но вот новая задача. Служащий принес доску. Один конец положил на барьер, а другой поднял невысоко над землёй. Хлопнул бич — Чушка побежала вдоль барьера. Дойдя до доски, она хотела было обойти её, но тут снова хлопнул бич, и Чушка перепрыгнула через доску.

Постепенно мы поднимали доску всё выше и выше. Чушка прыгала, иногда срывалась, опять прыгала... В конце концов мускулы её окрепли, и

она стала отличным «гимнастом-прыгуном».

Тогда я стал учить свинью становиться передними ногами на низенькую табуреточку. Как только Чушка, дожевывая хлеб, тянулась за другим куском, я клал хлеб на табуретку, к передним ногам свиньи. Она нагибалась и торопливо съедала его, а я опять поднимал кусок хлеба высоко над её пяточком. Она задирала голову, но я снова клал хлеб на табуретку, и Чушка снова нагибала голову. Так я проделал несколько раз, давая ей хлеб только после того, как она опустит голову.

Таким путём я научил Чушку «кланяться». Третий номер готов!

Через несколько дней мы стали разучивать четвёртый номер.

На арену вынесли разрезанную пополам бочку и поставили половинку дном вверх. Чушка разбежалась, вскочила на бочку и сейчас же соскочила с другой стороны. Но за это она ничего не получила. А хлопанье шамберьера¹ снова пригнало свинью к бочке. Чушка снова перепрыгнула и опять осталась без награды. Так повторялось много раз. Чушка измучилась, устала и проголодалась. Она никак не могла понять, чего же

¹ Шамберьер — длинный кнут, употребляемый в цирке или на манеже.

от неё хотят.

Наконец я схватил Чушку за ошейник, поставил на бочку и дал ей мяса. Тут-то она сообразила: надо просто стоять на бочке и больше ничего.

Это сделалось её любимым номером. И правда, что может быть приятнее: стой себе спокойно на бочке и получай кусок за куском.

Раз, когда она стояла на бочке, я забрался к ней и занёс правую ногу над её спиной. Чушка испугалась, кинулась в сторону, сбила меня с ног и удрала в конюшню. Там она в изнеможении опустилась на пол клетки и пролежала часа два.

Когда ей принесли ведро месива и она с жадностью набросилась на еду, я снова вскочил ей на спину и крепко сжал ногами бока. Чушка начала биться, но сбросить меня не сумела. К тому же ей хотелось есть. Забыв про все неприятности, она принялась есть.

Так повторялось изо дня в день. В конце концов Чушка научилась возить меня на спине. Теперь можно было выступить с ней перед публикой.

Мы устроили генеральную репетицию. Чушка отлично проделала все номера, какие умела.

— Смотри, Чушка, — сказал я, — не осрались перед публикой!

Служащий вымыл её, пригладил, причесал.

Настал вечер. Загремел оркестр, зашумела публика, прозвенел звонок, «рыжий» выбежал на арену. Представление началось. Я переоделся и подошел к Чушке:

— Ну как, Чушка, не волнуешься?

Она посмотрела на меня как будто с изумлением. И на самом деле, меня трудно было узнать. Лицо намазано белым, губы — красным, брови подведены, а на белом блестящем костюме нашиты портреты Чушки.

— Дуров, твой выход! — сказал директор цирка.

Я вышел на арену. Чушка побежала за мной. Дети, увидев свинью на арене, весело захлопали. Чушка испугалась. Я стал ее гладить, приговаривая:

— Чушка, не пугайся, Чушка...

Она успокоилась. Я хлопнул шамберьером, и Чушка, как и на репетиции, перепрыгнула через перекладину.

Все захлопали, а Чушка, по привычке, подбежала ко мне. Я сказал:

— Финтифлюшка, хотите шоколаду?

И дал ей мяса. Чушка ела, а я говорил:

— Свинья, а тоже вкус понимает! — И крикнул оркестру: — Пожалуйста, сыграйте «Свинячий вальс».

Заиграла музыка, и Финтифлюшка закужилась на арене. Ох и смеялась же публика!

Потом на арене появилась бочка. Чушка забралась на бочку, я — на Чушку и как закричу:

— А вот и Дуров на свинье!

И опять все захлопали.

«Артистка» прыгала через разные препятствия, потом я ловким прыжком вскочил на неё, и она, как лихой конь, унесла меня с арены.

А публика изо всех сил хлопала и всё кричала:

— Bravo, Чушка! Бис, Финтифлюшка!

Успех был большой. Многие побежали за кулисы смотреть на учёную свинью. Но «артистка» ни на кого не обращала внимания. Она с жадностью уписывала густые, отборные помои. Они ей были дороже аплодисментов.

Первое выступление прошло как нельзя лучше.

Мало-помалу Чушка привыкла к цирку. Она часто выступала, и публика её очень любила.

Но Чушкины успехи не давали покоя нашему клоуну. Он был знаменитый клоун; фамилия его была Танти.

«Как, — думал Танти, — обыкновенная свинья, хавронья, пользуется большим успехом, чем я, знаменитый Танти?... Этому надо положить конец!»

Он улучил минуту, когда меня не было в цирке, и забрался к Чушке. А я ничего не знал. Вечером я, как всегда, вышел с Чушкой на арену.

Чушка отлично проделывала все номера.

Но как только я сел на неё верхом, она заметалась и сбросила меня. Что такое? Я прыгнул на неё ещё раз. А она опять вырывается, как необъезженная лошадь. Публика смеётся. А мне совсем не до смеху. Я бегаю за Чушкой с шамберьером по арене, а она со всех ног удирает. Вдруг она юркнула между служителями — и в конюшню. Публика шумит, я улыбаюсь, будто ничего не случилось, а сам думаю: «Что же это такое? Неужели свинья взбесилась? Придётся её убить!»

После представления я кинулся осматривать свинью. Ничего! Щупаю нос, живот, ноги — ничего! Поставил градусник — температура нормальная.

Пришлось позвать доктора.

Он заглянул ей в рот и насильно влил туда изрядную порцию касторки.

После лечения я снова попробовал сесть на Чушку, но она опять вырвалась и убежала. И, если бы не служащий, который ухаживал за Чушкой, мы бы так и не узнали, в чём дело.

На следующий день служащий, купая Чушку, увидел: вся спина у неё изранена. Оказалось, Танти насыпал ей на спину овса и растёр по щетине. Конечно, когда я сел верхом на Чушку, зёрна впились в кожу и причинили свинье невыносимую

боль.

Пришлось лечить бедную Чушку горячими припарками и чуть ли не по одному выбирать из щетины разбухшие зёрна. Чушка смогла выступать только через две недели. К тому времени я придумал для неё новый номер.

Я купил маленькую тележку с упряжью, надел на Чушку хомут и стал её запрягать, как лошадь. Сначала Чушка не давалась и рвала упряжь. Но я настоял на своём. Чушка постепенно привыкла ходить в упряжке.

Раз ко мне пришли приятели:

— Дуров, поедем в ресторан!

— Хорошо, — ответил я. — Вы, конечно, поедете на извозчике?

— Разумеется, — отвечали приятели. — А ты на чём?

— Увидите! — ответил я и стал закладывать Чушку в тележку.

Сам сел на «облучок», подобрал вожжи, и мы покатали по главной улице.

Что тут творилось! Извозчики уступали нам дорогу. Прохожие останавливались. Кучер конки засмотрелся на нас и выронил вожжи. Пассажиры вскочили с мест и захопали, как в цирке:

— Браво! Браво!

Толпа детей бежала за нами с криком:

— Свинья! Гляди, свинья!

— Вот так конь!

— Не дотащит!

— Привезёт в хлев!

— Вываляй Дурова в луже!

Вдруг точно из-под земли вырос полицейский. Я осадил «коня». Полицейский грозно крикнул:

— Кто разрешил?

— Никто, — спокойно ответил я. — У меня нет лошади, вот я и еду на свинье.

— Поворачивай оглобли! — крикнул полицейский и схватил Чушку под «уздцы». — Езжай глухими переулками, чтобы тебя ни одна душа не видела. И он тут же составил на меня протокол. Через несколько дней меня вызвали в суд.

Туда я не решился ехать на свинье. Меня судили за то, что я будто бы нарушил общественную тишину. А я никакой тишины не нарушал. Чушка даже ни разу не хрюкнула во время езды. Я так и сказал на суде, и ещё я сказал о пользе свиней: их можно научить развозить продукты, перевозить поклажу.

Меня оправдали. Тогда такое время было: чуть что — протокол и суд.

Раз Чушка чуть не погибла. Дело было так. Нас пригласили в один приволжский город. Чушка тогда уже была очень учёная. Мы сели на пароход. Чушку я привязал на палубе к перилам балкона

около большой клетки, а в клетке сидел медведь, Михаил Иванович Топтыгин. Сначала всё было хорошо. Пароход бежал вниз по Волге. Все пассажиры собрались на палубе и смотрели на учёную свинью и на Мишку. Михаил Иванович тоже долго смотрел на Чушку-Финтифлюшку, потом потрогал лапой дверцу клетки — подаётся (видно, служитель, на беду, плохо запер клетку). Наш Мишка, не будь дурак, открыл клетку и, не мешкая, выскочил из неё. Толпа отпрянула. Никто и опомниться не успел, как медведь с рёвом бросился на учёную свинью Чушку-Финтифлюшку...

Она хоть и учёная, но справиться с медведем ей, конечно, было не под силу.

Я ахнул. Не помня себя, вскочил на медведя, уселся на него, одной рукой вцепился в мохнатую шкуру, а другую просунул в горячую медвежью пасть и стал изо всех сил рвать медвежью щёку.

Но Михаил Иванович только пуще заревел, теребя Чушку. Она визжала, как самая обыкновенная, неучёная свинья.

Тогда я дотянулся до медвежьего уха и стал его кусать что было силы. Михаил Иванович рассвирепел. Он попятился и вдруг втокнул Чушку и меня в клетку. Он стал прижимать нас к задней стенке клетки. Тут сбежались служащие с железными палками. Медведь с яростью отбивал удары лапами, и чем больше снаружи колотили

медведя, тем сильнее он прижимал нас к прутьям.

Пришлось спешно выпилить из задней стенки два прута. Только тогда нам с Чушкой удалось выбраться на свободу. Я был весь исцарапан, а Чушка основательно помята.

Долго болела Чушка после этого случая.

Хрюшка-парашютист

Была у меня свинья Хрюшка. Она у меня летала! В то время ещё самолётов не было, а поднимались в воздух на воздушном шаре. Я решил, что моя Хрюшка тоже должна подняться в воздух. Я заказал из белой бязи воздушный шар (метров на двадцать в диаметре) и к нему шёлковый парашют.

В воздух шар поднимался так. Из кирпичей устроили печь, там сжигалась солома, а шар привязывался к двум столбам над печью. Держали его человек тридцать, постепенно растягивая. Когда шар весь наполнялся дымом и тёплым воздухом, канаты отпускали, и шар поднимался.

Но как научить Хрюшку летать?

Я тогда жил на даче. Вот мы с Хрюшкой вышли на балкон, а на балконе у меня был устроен блок и через него переброшены обшитые войлоком ремни. Я надел на Хрюшку ремни и стал осторожненько подтягивать её на блоке. Хрюшка

повисла в воздухе. Она отчаянно заболтала ногами и как завизжит! Но тут я поднёс будущей лётчице чашку с едой. Хрюшка, почуяв вкусное, забыла про всё на свете и занялась обедом. Так она и ела, болтая ногами в воздухе и покачиваясь на ремнях.

Я несколько раз поднимал её на блоке. Она привыкла к этому и, наевшись, даже спала, повиснув на ремнях.

Я приучил её к быстрому подъёму и спуску.

Потом мы перешли ко второй части обучения.

Я поставил затянутую ремнями Хрюшку на площадку, где был будильник. Затем поднёс Хрюшке чашку с пищей. Но как только её пяточок коснулся еды, я отвел руку с чашкой. Хрюшка потянулась за вкусным, соскочила с площадки и повисла на ремнях. В эту самую минуту затрещал будильник. Эти опыты я проделывал несколько раз, и Хрюшка уже знала, что всякий раз, как зазвонит будильник, она будет получать пищу из моих рук. В погоне за заветной чашкой она при звоне будильника сама соскакивала с площадки и раскачивалась в воздухе, ожидая лакомства. Она привыкла: как затрещит будильник, надо прыгать.

Всё готово. Теперь моя Хрюшка может отправляться в воздушное путешествие.

На всех заборах и столбах нашей дачной местности появились яркие афиши:

СВИНЬЯ В ОБЛАКАХ!

Что творилось в день спектакля! Билеты на дачный поезд брались с бою. Вагоны были набиты до отказа. Дети и взрослые висели на подножках.

Все говорили:

— А как это: свинья — да в облаках!

— Люди ещё летать не умеют, а тут свинья!

Только и разговоров было, что о свинье. Хрюшка сделалась знаменитой особой.

И вот началось представление. Шар наполнили дымом.

На площадку, подвязанную к шару, вывели Хрюшку. Мы привязали свинью к парашюту, а парашют прикрепили к верхушке шара тонкими бечёвками, только чтобы парашют держался. На площадку мы поставили будильник — через две-три минуты он затрещит.

Вот канаты отпущены. Шар со свиньей поднялся в воздух. Все закричали, зашумели:

— Гляди, летит!

— Пропадёт свинья!

— Ого, знай Дурова!

Когда шар был уже высоко, затрещал будильник. Хрюшка, привыкшая по звонку прыгать, бросилась с шара в воздух. Все ахнули: свинья камнем полетела вниз. Но тут парашют раскрылся, и Хрюшка, плавно покачиваясь,

благополучно, как заправский парашютист, спустилась на землю.

После этого первого полёта «парашютистка» проделала ещё множество воздушных путешествий. Мы с ней объездили всю Россию.

Полёты не обходились без приключений.

В одном городе Хрюшка попала на крышу гимназии. Положение было не из приятных. Зацепившись парашютом за водосточную трубу, Хрюшка визжала изо всех сил. Гимназисты оставили книжки и бросились к окнам. Уроки были сорваны. Достать Хрюшку не было никакой возможности. Пришлось вызывать пожарную команду.

Слон Бэби

Карлик

В городе Гамбурге был большой зоологический сад, который принадлежал одному известному торговцу зверями. Когда мне захотелось купить слона, я поехал в Гамбург. Хозяин показал мне маленького слонёнка и сказал:

— Это не слонёнок, это почти взрослый слон.

— Почему же он такой маленький? — удивился я.

— Потому что это слон-карлик.

— А разве бывают такие?

— Как видите, — заверил меня хозяин.

Я поверил и купил диковинного слона-карлика. За малый рост я дал слону кличку Бэби, что по-английски значит «дитя».

Его привезли в ящике с окошечком. Сквозь окошко часто высовывался кончик хобота.

Когда Бэби приехал, его выпустили из ящика и поставили перед ним таз с рисовой кашей и ведро молока. Слон терпеливо загрёб хоботом рис и отправил его в рот.

Хобот у слона — как у человека руки: Бэби хоботом брал пищу, хоботом ощупывал предметы, хоботом ласкал.

Бэби скоро привязался ко мне и, ласкаясь, водил хоботом по моим векам. Он делал это очень осторожно, но всё же подобные слоновьи ласки причиняли мне боль.

Прошло три месяца.

Мой «карлик» сильно вырос и прибавил в весе. Я начал подозревать, что в Гамбурге меня обманули и продали мне не карликового слона, а обыкновенного шестимесячного слонёнка. Впрочем, существуют ли вообще на свете карликовые слоны?

Когда мой «карлик» подрос, очень стало смешно наблюдать, как это громадное животное

по-ребячьи шалит и резвится.

Днём я выводил Бэби на пустую арену цирка, а сам следил за ним из ложи.

Сначала он стоял на одном месте, растопырив уши, мотая головой и косясь по сторонам. Я кричал ему:

— Бэби!

Слонёнок медленно двигался по арене, обнюхивая хоботом землю. Не найдя ничего, кроме земли и опилок, Бэби принимался играть, как детишки в песке: он хоботом сгребал землю в кучу, потом подхватывал часть земли и осыпал ею голову и спину. Затем он встряхивался и уморительно хлопал ушами-лопухами.

Но вот, подгибая сначала задние, а затем и передние ноги, Бэби ложится на живот. Лёжа на животе, Бэби дует себе в рот и снова осыпает себя землёй. Он, видимо, наслаждается игрой: медленно переваливается с боку на бок, хоботом возит по арене, разбрасывает во все стороны землю.

Навалявшись вволю, Бэби подходит к ложе, где я сижу, и протягивает хобот за лакомством.

Я встаю и делаю вид, будто ухожу. У слона ментально меняется настроение. Он встревожен и бежит за мной. Ему не хочется оставаться одному.

Бэби не переносил одиночества: он топорщил уши и ревел. В слоновнике с ним обязательно должен был спать служащий, иначе слон своим